

Достоверным фактом является приобретение господином Пьером Карденом развалин замка маркиза де Сада в деревне Ла Кост, а также устроенные им там прием и эротический теневой спектакль.

Достоверным фактом является существование замка Ла Барбен, исторические сведения о нем, описание замковой кухни и музейной части подземелий. Замок действительно разделен на две части: музейную и частную, в которой проживает его владелец.

Все события и персонажи, сосредоточенные вокруг этих фактов (включая сцену из спектакля), являются вымыслом автора.

...Больше не было ни неба, ни земли. Все кануло в крошечную тьму без пределов, без начала и конца. Ксюша зависла где-то посередине *ничего*, в черном холоде, стремительно размывавшем границы ее тела, границы ее «я», — так кислота растворяет в себе чужеродный объект, разлагая его на молекулы...

Только мужской голос, звучавший в темноте, свидетельствовал, что ее «я» еще не прекратило существовать, что она еще способна слышать и понимать...

— Вы кто? — недружелюбно спрашивал мужской голос. — И как вы сюда попали?

Как она сюда попала? Ох, это такая длинная история!..

Все началось в замке маркиза де Сада...

Она ошибалась. Все началось гораздо раньше.

МОСКВА

«...Вы правы, Лариса, я никогда не боролся — ни за свои идеи, ни за свое положение. Говорят, такие люди, как я, вырастают в семьях, где слишком властные матери. Верно, моя мать такой и была, а потом ее место заняла жена... Мне всегда казалось, что это в норме вещей — оттого, видимо, и не приходило в голову протестовать. Да и характер у меня не тот, слишком покладистый — «мягкий», как Вы выразились. Я все в жизни принимаю как должное — даже неприятности. В результате я ничего путного не добился и сам виноват, свалить не на кого...»

«Ага, — сказал себе Алексей Кисанов, — в сугубо «деловой переписке» наметился задушевный поворот!» Он погасил сигарету, придвинул к себе чашку кофе и снова уставился в компьютер.

Пару дней назад к нему, частному сыщику, обратилась особа лет пятидесяти пяти с просьбой установить местонахождение ее супруга. По словам особы, он убыл в страну Францию на десять дней, с тем чтобы предложить свое изобретение французским фармацевтам. Но через десять дней не вернулся. Ни звонков от него, ни телеграмм — ничего. И где его искать — неизвестно.

Кисанов пропустил несколько дат в окошке электронной почты и открыл наугад одно из более поздних писем.

«Смешно говорить о чувствах к человеку, которого никогда не видел — у меня даже Вашей фотографии нет! Но признаюсь, что мысли о Вас стали заполнять мои дни... И, знаете, мне давно не было так хорошо, как теперь, когда у меня есть Ваши письма. Спасибо Вам, Лариса...»

— Ого, — сказал себе Алексей Кисанов, давно и необидчиво отзывающийся на фамильярное прозвище Кис, и поскреб подбородок.

Он поначалу братья за дело не хотел: через каких-то три дня у него начинался долгожданный отпуск, который он собирался провести во Франции (в компании Александры, Ксюши и Реми)¹. Но отчего-то ему показалось, что дело несложное, да и слово «Франция», в которую убыл пропавший муж, было созвучно его настроению, — и Кис согласился.

По словам клиентки, Михаил Давыдович Левинов, супруг ее, договорился с какой-то фирмой в Париже о встрече, на которую и отправился. Переписки с этой компанией почтой в наличии не имелось, счетов за международные телефонные переговоры тоже — стало быть, здраво рассудил детектив, общение шло через Интернет. Клиентка сама до столь сложной мысли не додумалась бы, да и с компьютером управляться не умела. Посему с разрешения Клавдии Семеновны (так звалась клиентка) он забрал жесткий диск к себе с целью изучить его содержимое. И нате вам, неожиданность: пропавший супруг призраивал во Франции не только свое изобретение, но и душу...

Еще письмо, ближе к отъезду.

¹ См. роман Т. Гармаш-Роффе «Шантаж от Версаче», издательство «Эксмо».

«Я боюсь предстоящей встречи, боюсь тебе не понравиться, разочаровать (ну-ну, уже на «ты»!) — у меня так много недостатков, что... Я не перестану удивляться, что ты нашла во мне какие-то привлекательные качества, которые до сих пор никто не разглядел, включая меня. Но пусть будет как будет — я еду. И если бог мне послал тебя, Лара, то, может, он решит продолжить список своих добрых деяний и сделает так, что ты не разочаруешься, когда увидишь меня «живьем»...»

Понятно, понятненько...

Михаил Левиков объяснил своей супруге, что фирма обеспечивает его каким-то жильем на время пребывания в Париже. Добравшись до места, он, как исправный муж, домой позвонил — по его словам, из автомата на улице, так как проживает в маленькой квартирке, предоставленной фирмой, в которой телефона не имеется. А адрес «квартирки» Клавдия Семеновна спросить не додумалась. Больше Михаил не звонил и в положенный срок не вернулся.

Ну что ж, теперь заглянем в ее письма, Ларисы этой, — для полноты картины.

«Ваше изобретение, Михаил, просто гениально. Я говорю Вам это как химик, хотя уже много лет не работаю по специальности, но все же остаточные, еще не выветрившиеся из головы знания позволяют мне об этом заявлять с полной ответственностью. Я плохо понимаю, как Вы, имея такие великолепные мозги, такой талант, могли согласиться на серое существование коммерсанта? Ваше место — в лаборатории, причем в крупнейшей! Ведь такого специалиста, как Вы, любая фирма с руками оторвет! Ваше изобретение может принести бешеные доходы!

...А знаете что? Надо попробовать продать его

крупным косметическим фирмам! Нет, серьезно — это мысль! Если Вы мне позволите, я изучу вопрос... Пока не знаю, как к ним подобраться, — я не в «системе». Когда муж был жив, я не работала, а последние семь лет перебиваюсь случайными заработками — ну, Вы видели мое объявление в Интернете про экскурсии и уроки, с которого, собственно, и завязалась наша переписка...»

Изобретение то самое, надо думать. Разговор о нем всплыл где-то в районе первого десятка писем, которых за три месяца набралось около полусотни. До этого они явно общались в Интернете, на каком-то форуме или чате. Но самое-то главное не начало переписки, а ее развитие и конец. Посему глянем дальше:

«...Подобное отношение к себе — преступно. Если Вы считаете нормой уважение к другим, то почему Вы исключили из этой нормы себя? Вы заслуживаете к себе уважения, Михаил, и любви наверняка тоже... Вы человек умный, добрый, деликатный — это такое редкое сочетание! Ваша жена должна была бы Вами дорожить — не понимаю, как могло случиться, что она, как Вы пишете, Вас презирает? За что, бог мой?! Может, Вы просто чего-то недопоняли, не разглядели в ней?»

Ха, ты не видела его супругу, милая Лариса! Это очень трогательно, что ты предлагаешь мужчине, которым явно заинтересовалась, присмотреться повнимательнее к своей «родной» жене — но твое благородство излишне: «не разглядеть» Клавдию Семеновну просто не представляется возможным...

Кис откинулся от компьютера и вытянул ноги на кресло для посетителей. «Это не женщина, дорогая Лариса, — это танк! Это бульдозер повышенной мощности с укрепленной броней! Тебе повезло, незнакомая Лариса, что ты не присутствовала здесь, когда она,

едва не снеся боками на ходу дверную коробку, ввалилась ко мне и долго устраивала свои телеса в этом кресле, где сейчас расположились мои ноги... Тебе посчастливилось не слышать ее вибрирующего, как отбойный молоток, негодующего голоса! Она не забеспокоилась, Лариса, что муж пропал, она не испугалась: не случилось ли с ним чего? Нет — она возмутилась! Что он *посмел* пропасть! В ее бронированные мозги не пришла мысль, что он мог ее бросить и уехать к другой женщине — это из разряда невозможного! Потому что предмету домашнего обихода по имени Михаил Давыдович Левиков, который ты, неведомая Лариса, проживающая в Париже, обозначила как «доброе, умного и деликатного», — этому предмету надлежало быть всегда на своем месте и исправно выполнять свои функции. И предмет виноват уже тем, что посмел не быть под рукой... Да, если бы ты видела *это*, Лариса, ты не удивлялась бы, что твой Миша оказался раздавлен морально и физически...»

Еще одно письмо, ближе к отъезду изобретателя.

«Меня пугают эти интернетные, стерильные отношения... Я тебя никогда не видела, если не считать фотографии, у меня есть только три месяца нашей переписки — что я толком знаю о тебе? Твои мысли, твои чувства — это много или мало? Тем не менее, как ни странно, на сегодняшний день у меня нет никого ближе тебя, Миша... Я с нетерпением жду того дня, когда мы встретимся, чтобы убедиться в том, что я не сошла с ума...»

Как только ты мне назовешь дату — я сразу же договарюсь с фирмой о рандеву для переговоров о твоём изобретении. Эти люди очень, очень заинтересованы (хотя стараются этого не показать), что еще раз доказывает гениальность твоего изобретения! Думаю, они

могут предложить тебе хорошие деньги, но мне кажется, что с ними надо торговаться: я уже прилично изучила правила игры и знаю, что «незаинтересованный вид» — это первый ход в торгах. Пока не стану рассказывать подробности — боюсь сглазить, но мне кажется, что ты стоишь на пороге огромных изменений в твоей жизни...

Напиши, как только будут билеты. Жду с нетерпением и волнуюсь, как школьница...

Твоя Лариса».

— Ну что ж, понятно, — просмотрев еще несколько писем, Кис отставил опустевшую чашку и снова прикурил «Золотую Яву». Михаил Левиков одинок в семье, не оценен по достоинству, морально раздавлен. У него есть взрослая дочь, унаследовавшая от маменьки презрительное отношение к отцу, что способно только усугубить его экзистенциальную тоску. Он болтался где-то в Интернете — типичное времяпрепровождение для одиноких людей, — увидел объявление Ларисы. Судя по всему, она предлагала свои услуги: как репетитора для школьников и гида по Парижу для русских туристов... Алексей знал, что многие русские в Париже перебиваются такой случайной работой, Ксюша не раз живописала жизнь эмигрантов, когда навещала свою старшую сестру Александру, приходившуюся Алексею Кисанову любимой женщиной.

Михаил, видимо, что-то спросил у Ларисы — какую-нибудь ерунду, типа: «Что, тяжело с работой во Франции?» Она ответила — переписка завязалась. И к концу третьего месяца переписки они оказались друг другу самыми близкими людьми. Для Михаила, который давно перестал верить в себя, Лариса стала

нечаянным подарком судьбы, ангелом с благой вестью, фокусником в цирке на дневном, детском сеансе, который уже почти вытащил из шляпы за уши удачу... К одному из писем Михаила была «приколота» его фотография, а на ней запечатлелось все: и тотальный черный пессимизм «по жизни», и проблеск детского изумления в глазах в ожидании чуда, и страх в него поверить, и легкая, робкая дымка нежности к едва знакомой женщине, и даже дрогнувшая от нечаянно проснувшейся чувственности улыбка...

— Во бедолага, — проникся Кис. Как можно вляпаться в такую супругу — это он еще понимал, кто не вляпывался! Но как можно было не сбежать давно — этого понять не мог. Сбегают ведь даже из хорошо охраняемых тюрем!

«Никчемный, совершенно никчемный!» — колыхалась всеми подбородками и нижеследующими слоями тела Клавдия Семеновна, возмущенно округляя сластолюбивый, сочный рот. В молодости она была вполне милашкой, хоть и простушкой — «горняшкой». (Это словечко изобрела Александра, от слова «горничная» — помимо статуса любимой женщины Киса, она была еще и журналисткой и любила поиграть словами.) Теперь же Клавдия, проработав лет тридцать в торговле, раздулась от важности и «дефицита» советских времен, непомерно поглощаемого в доказательство своей элитарности.

«Никчемный муж» был по образованию биохимиком, долгие годы работал в производственной лаборатории¹ при Институте генетики, которую накрыло перестроечной волной, выплюнувшей персонал на пустынный берег безденежья. Понукаемый лютой

¹ Лаборатория вымышленная.

супругой, Михаил устроился в одну из новорожденных фирм, занимающихся импортом лекарств из Болгарии. Зарплата его от этого перемещения существенно выиграла, но творческая душа изобретателя затосковала, заплутав в чаше цифр, в сушняке платежных ведомостей и накладных... Он с тоской наблюдал, как обосновывается в Москве Ив Роше — вот кто, думал Михаил, оценил бы его изобретение! Но в Москве открылся всего лишь магазин, сам Роше благополучно пребывал во Франции, а Михаил — он сидел в конторе по импорту лекарств и смирялся с судьбой...

Лариса вернула ему веру в свои творческие силы, в ценность его идей. Какое-то изобретение — надо думать, из эпохи лаборатории — она даже назвала «гениальным». Ясное дело, мужик ожил: почувствовал себя нужным женщине и одновременно — потенциальный спрос на свой труд и свой талант. И даже деньги, стараниями Ларисы, смутно замаячили на горизонте.

Она тоже одинока, это понятно. Вдова, материально явно не ахти, в чужой стране трудно с друзьями и общением... Ее фотография тоже имелась в переписке — Лариса прислала ее после робкого намека Левикова: маленькая и неброская блондинка лет сорока пяти, элегантно одетая, с застенчивой и приятной улыбкой. То, что принято называть «интеллигентная женщина». Михаил, с его мягким и добрым характером, с его непризнанным талантом, ее увлек. Женщины, особенно одинокие, любят опекать ближнего, особенно ближнего мужского пола... Наверняка она надеялась что-то построить с Михаилом — при условии, что встреча «живьем» не перевернет те нежные чувства, которые уже заблистали в переписке. И даже его грядущие заработки ею мыслились,

скорее всего, как хорошая финансовая база для их будущей семьи. Из писем Михаила понятно, что он готов бросить все без сожалений — до сих пор просто стимула не было, теперь же стимул появился: стараниями Ларисы очертился фундамент его новой жизни. В другой стране, с другой женщиной, с другой работой и, похоже, другими заработками. Дух небось захватывало у обоих от такой перспективы...

Кис опустил ноги на пол и нашарил тапки. Придется объяснить клиентке, что муж ее не просто «пропал» — а с концами. Иными словами, ушел к другой женщине! Да не куда-нибудь, а в Париж!

Признаться, Кис испытывал злорадное удовольствие при мысли о том, как он выложит результат своего короткого расследования этой ошибке природы, этому генному мутанту, этому броненосцу, нечаянно облаченному в женское тело, по имени Клавдия. Проняло детектива чувство мужской солидарности, ох, как проняло!

...Она была в ярости. Она хлопала начальственно по столу так, что Алексею пришлось ей напомнить, что она не в своем кабинете на торговой базе, а у него на приеме. Она требовала найти «ничтожество» и «засранца», посмевшего предать все ее лучшие чувства, все ее заботы, все непомерные усилия, чтобы пристроить «никчемного» на хлебное место. Она опасно нависала всей телесной мощью над столом, грозя раздавить экран компьютера, требуя довести до конца работу, за которую «уплочены» деньги!

— Я взялся выяснить, куда подевался ваш муж, — пробовал защититься Кис. — И я вам сказал куда. Моя миссия выполнена!

— Э нет! Найти — это значит привезти домой! Я не за слова вам деньги платила!

— Помилуйте, — попробовал улыбнуться Кис, — как это «привезти»? Не чемодан ведь! За ручку не возьмешь да не понесешь!

Она ошарашенно посмотрела на детектива. В лице явственно мелькнуло недоумение: почему же «не понести» — вполне сойдет за чемодан... Но, проделав сложную умственную работу, Клавдия Семеновна, должно быть, сообразила, что не каждый станет так обращаться с ее супругом, как она сама.

— Тогда адрес!!! — хлопнула она снова по столу. — Вот когда скажете точно, по какому адресу отбыл, тогда и работа будет выполнена! А пока вы наработали с гулькин нос: додумались компьютер его прочитывать! Так каждый может! Не за это я вам деньги уплатила!

Кис всей душой понимал бедного изобретателя.

Он вяло сопротивлялся, но броненосная мутантша была непреклонна. В результате Кис немного сдал позиции: на днях он как раз едет во Францию по личным делам (повидать Ксюшу, а также Реми, Кисова давнего друга и коллегу по сыскному ремеслу, который последние четыре года приходится Ксюше мужем...) и там заодно попробует разыскать пропажу.

— *Попробую*, но ничего не обещаю, — со всей остаточной твердостью заявил детектив. — Это частная поездка, мой отпуск! И, прошу заметить, денег с вас на накладные расходы не беру, мои услуги оплатить наперед не предлагаю. Если найду вашего супруга — тогда и выставлю вам счет.

У Клавдии Семеновны был выбор: предложить оплатить услуги и «накладные расходы» — то есть дорогостоящий билет туда-обратно в Париж и коман-

дировочные немедленно, авансом — или съесть пилюлю. Она, прикинув расчетливым умом торгового работника со стажем, выбрала последнее. И Кис вздохнул с облегчением: отсутствие аванса позволяло сохранить формулировку «попробую» без императива «обязуюсь».

Кабы знал он тогда, за что брался...

До отъезда еще оставалось несколько дней, и Кис честно предпринял попытку выйти на Ларису. Написал по ее адресу письмо, в котором сообщил, что разыскивает Михаила Левикова, дал номер своего мобильного, просил позвонить, добавив, что в ближайшее время будет в Париже и хотел бы с ней встретиться.

С другой стороны, не слишком надеясь на ответ Ларисы, Кис попросил Ваньку, своего ассистента и квартиранта, который пиратствовал помаленьку в «мировой паутине» для своих нужд, пошарить у ее провайдера. Однако Ванька после нескольких часов напряженной взломщицкой работы развел руками: доступ к серверам надежно защищен, и не по его дилетантскому уму взломать базу данных французского провайдера.

Что же до Ларисы, она, разумеется, ему не ответила: она же не враг себе, чтобы выдавать Мишу, который, надо думать, не разочаровал и не разочаровался при встрече «живьем»...

* * *

Сборы в Париж были хлопотными. Морока с визами и билетами осталась позади, но они глупо застряли на уровне сборки чемоданов: Алексей с Алек-

сандрой жили на две квартиры (его и ее), и их вещи постоянно курсировали между Смоленкой и проспектом Мира. В результате вспомнить, где на данный момент прописалась та или иная вещица, бывало крайне затруднительно... Посовещавшись, они порешили складывать свои чемоданы сначала у Александры, потом у Алексея.

— Галстук! — восклицал Кис. — Темно-синий с золотыми крапинками, твой подарок — не знаешь, где он? Я не нашел его ни там, ни тут!

— У любовницы небось забыл, — ехидничала Александра, — а я трусики не могу найти черные, знаешь, кружевные... Не видел?

Кис хотел было съязвить в ответ: «У любовника забыла», — но мысль эта ему так не понравилась, да же на уровне шутки, что он промолчал...

Они были вместе вот уже три года, ведя при этом образ жизни, независимый друг от друга. Каждый по-прежнему обитал в своей квартире, и в свободные вечера они сбегались на одной из территорий, наслаждаясь совместным ужином и легким, радостным сном после бурной любви. В таком союзе было множество плюсов, и их обоих это устраивало, но...

Затянувшийся инфантилизм этого союза, искусственно поддерживаемая стадия «женихания», умеренная на первых порах, стали его как-то смутно беспокоить. Он не сумел бы толком объяснить, что именно ему не нравится — вроде бы нравилось все, а вот поди ж ты, какая-то неудовлетворенность тихо начала прогрызать тайный ход в его мозгу. Он иногда вглядывался в глаза Александры: не мелькнет ли в них схожего беспокойства?

Но оно не мелькало.

И сейчас ее шутка ему не понравилась. Словно

Саша давала ему право в любой момент завести отношения с другой женщиной. Словно она оставляла место для вопроса, для зыбкой атмосферы неопределенности, для топкой почвы сомнений. Еще недавно его это восхищало... А теперь — теперь уже нет. Хотелось нового этапа в отношениях. Может, дело в возрасте — потребность в стабильности? Кажется, именно она ему вдруг понадобилась... Но она даже не намечалась, вот в чем фокус.

— Ты их положила в стирку, — откликнулся он на ее вопрос о трусиках будничным голосом. — А галстук, я вспомнил, он в кабинете висит, на спинке стула...

Ночью он был особенно нежен. Собственно, он всегда был нежен, но в этот раз как-то особенно, немножко горько... Что ему безумно нравилось в Александре — она была очень чувственна, она откликалась на малейшую ласку и умела ласкать сама... Александра называла это «сексом на клеточном уровне», имея в виду необыкновенный контакт тел, где каждая, самая банальная клеточка была восприимчива, как эрогенная зона.

Он был уверен, что восприимчивая Александра почувствовала привкус горечи в его ласках, и ему даже почудился немой вопрос в ее глазах... Но она ничего не спросила, не сказала.

Может, Александра просто ждала инициативы от него? Он, признаться, ни разу не пытался предложить ей семейную жизнь в ее классическом варианте, начиная от печати о браке в паспорте. Не то чтобы эта мысль никогда не мелькала в его голове — пожалуй, где-то на обочине сознания он иногда задавал себе вопрос: не предложить ли пожениться? Но там

же, на обочине, всплывал сам по себе ответ: не надо. Проблема, однако, в том, что он никогда не додумывал до конца ответ: не надо — кому?

Ему?

Или ей?

Он не додумал и на этот раз, уплыв вместе с ней на волнах ласки в легкий сон.

ПАРИЖ

В аэропорту Шарля де Голля их встречал Реми. Загорелый, голубоглазый, он выделялся из толпы, и они его заметили сразу же, еще за стеклянной стеной зала выдачи багажа. Однако, как ни вытягивала Александра шею, она так и не увидела Ксюшу.

Приветственный поцелуй был смазан ее встревоженным вопросом о сестре. В ответ Реми буркнул что-то неразборчивое.

— Вы поссорились? — ахнула Александра.

Ахнула не потому, что поссорились — в какой семье не бывает! — а потому, что Ксюшино непоявление в аэропорту обозначало степень серьезности ссоры.

— Ксюши нет в Париже, — мрачно пояснил Реми. — Она просила вас встретить и поцеловать от нее... Она придет завтра днем.

Последовавшие объяснения были маловразумительны, но все же Александре удалось кое-что выудить...

...Журналистка по образованию, как и Александра, Ксюша едва ли не со студенческой скамьи вышла — точнее, «выехала» — замуж за Реми во Францию. Разумеется, без работы сидеть она не собира-

лась, почетная должность домашней хозяйки ее не прельщала, — но встроиться в тесно сплоченные ряды аборигенов не представлялось возможным. По крайней мере, без «пистона» — или блата, по-нашему. И потому Ксюша, чтобы с чего-то начать поиск «пистона», стала посещать различные ассоциации, не брезгуя даже самыми маленькими и локальными.

Она нравилась. С ее очаровательной наивной мордашкой, с ее роскошными волосами до попы, с ее вдумчивым умом, приправленным налетом простодушной непосредственности, — конечно же, она нравилась, разве могло быть иначе? В основном — мужчинам, что понятно; реже — женщинам, что тоже понятно; но главное, что нравилась.

Так, начав с малого, Ксюша потихоньку «пошла по рукам». В самом невинном смысле этого слова. То есть, познакомившись с нею на одном мероприятии, ее стали приглашать на другое, а там — новые знакомства и новые приглашения на третье, четвертое и так далее. Она пыталась и сама создать какие-то русско-французские ассоциации, но дело не пошло. Точнее, это было не ее дело: организовывать, придумывать мероприятия, вести разные бумажки. Ее дело — писать статьи, она это любила, и у нее весьма неплохо получалось. В результате Ксюше удалось добратся до возможности печататься в некоторых французских журналах, пока еще третьего ранга... Но самое интересное было, конечно же, впереди. И Ксюша продолжала путь на вершину, одновременно работая на три-четыре русских печатных издания, в которые отсылала статьи о Франции. Мир моды люкс, высота и поэзия французской кухни, сплетни высшего света — одним словом, все то, на что так падка русская душа.

— ...Последний замысел Ксюши — написать большое эссе о французских замках, и она начала собирать материал... Вы же знаете, что она в них влюблена, — проговорил Реми и вздохнул так горько, словно Ксюша ему изменяла с замками.

Буквально три дня назад на какой-то вечеринке, куда Ксюша ходила без Реми («Как всегда!» — всунулось в рассказ его обиженное примечание), Ксюше неожиданно предложили принять участие в... спектакле! Случилось это так: некий солидный господин завидел издали ее стройную фигурку, укутанную в волну каштановых с рыжинкой волос. После чего солидный господин произвел чувствительное смущение в рядах праздного народа, потребляющего коктейли и лениво обсуждающего никому не интересные темы. Смущение же было вызвано тем, что солидный господин весьма бесцеремонно растолкал праздный народ, прокладывая себе столь несолидным образом дорогу к длинным волосам с рыжинкой. Растолканный народ в конечном итоге нашел в этом некоторое развлечение и с любопытством принялся следить за траекторией солидного господина, который — для лучшего развлечения народа — повел себя еще более забавно: домчавшись до цели, он сначала сделал странное па вбок и уставился на профиль девушки. Присутствующие тоже уставились как могли: всем стало интересно. После чего, удовлетворенный, он сунулся в поле зрения заинтересовавшей его особы и принялся довольно невежливо разглядывать ее анфас. И не успела Ксюша подивиться столь странному поведению солидного господина, как тот торжественно провозгласил: «Вы мне подходите!»

— И знаете, почему его так интересовала Ксюша в профиль? — удрученно спросил Реми. — Потому что

он предложил ей участвовать в теневом эротическом спектакле Пьера Кардена в замке маркиза де Сада! Понятно, что на тени анфас не разглядеть, зато профиль важен...

Профиль не разочаровал. Впрочем, анфас тоже, и господин принялся окучивать Ксюшу. Вернее, «неотразимую русскую».

Ксюша же почему-то нашла господина «приятным во всех отношениях» и весьма «забавным», — несколько кривясь, прокомментировал Реми, — и слушала его со вниманием.

...Пьер Карден купил развалины замка маркиза де Сада в деревне Ла Кост, вещал Ксюше приятный солидный господин, где отныне собирается устраивать спектакли и концерты. Вырученные деньги пойдут на восстановление замка — иными словами, акция благотворительная и благородная! Первым из них станет эротическое теневое шоу — дань уважения беспокойной тени великого и скандального маркиза. «Все в рамках приличия, театр теней, сами понимаете, одни намеки! Общество самое высокое, люди моды и искусства, имена самые известные — считайте, что вам несказанно повезло, потому что попасть в столь элитарный круг просто невозможно со стороны: вам выпал редкий шанс, моя очаровательная русская!»

Ксюша, слушая эти речи, поняла, что приятный господин ничем ей не опасен, поскольку его утонченная благообразность со всей очевидностью выдавала гомосексуальную ориентацию, — однако ей так и не удалось понять, куда он ее приглашал и почему? Ему нужна «дама для видимости» на этот прием? Он хочет соблудности уже ставшие архаикой приличия —

да в мире моды? Да в наши раскрепощенные времена? Сомнительно, ей-ей!

— Простите, я все поняла о Кардене и о спектакле, но только одного не поняла: вы меня приглашаете на спектакль?

— *В* спектакль, моя дорогая, *в* спектакль! Не смотреть — а участвовать! Я вам предлагаю лучшую в мире женскую роль — роль Евы!

Как выяснилось, приятный господин оказался директором по кастингу и к тому же соавтором сценария. Кастинг был закончен, спектакль отрепетирован, но, заметив эти волосы до середины ягодиц, их роскошную волну, он вдруг «увидел» сцену, которая будет открывать спектакль: сцену искушения Евы Змеем. «Откуда, так сказать, все грехи наши и пошли», — приятно улыбнулся директор по кастингу и соавтор сценария. Ксюша, по его словам, идеально подходила на роль Евы. Вернее, Ксюшин профиль и силуэт подходили. А играть там, собственно, нечего — час репетиции, и вуаля... Змей будет настоящий, но совершенно ручной, и дрессировщик будет на боевом посту неподалеку. Деньги, однако, за это ей заплатят — о-го-го! «Да и общество, — снова поднажал директор и прочая, — соберется самое элитарное». К тому же ей выпадет редкая возможность увидеть бранные останки замка маркиза де Сада... «Ну что, вы согласны, прелестная Ксения?»

«Прелестная Ксения» согласилась. Неизвестно, что соблазнило ее больше — денежное «о-го-го!», возможность ли сделать новые ценные знакомства («В этой стране, будь она неладна, — проворчал Реми, — все делается по знакомству!») или возможность облазить руины замка?

— Ева — это как? Голая, что ли? — взялся уточнить Кис.

— А ты когда-нибудь видел Еву одетой? — мрачно поинтересовался Реми.

— Ты ревнуешь, Реми? — с неожиданным вызовом спросила Александра. К Реми она относилась с изрядной симпатией, но тут, видать, разыграли сестринские чувства: в ранге всех возможных чувств это был не подлежащий сомнению приоритет.

— Можно понять, — вступился за друга и коллегу Кис, — мне бы тоже не понравилось, если бы ты ходила голая по сцене! Да еще и перед «элитарной публикой»!

— Ага, перед простыми работягами лучше, — ехидно бросила Александра. — Между прочим, публика будет видеть только ее тень!

— Да дело вообще не в этом! — не выдержал Реми. — Нынче на пляжах девицы и так голые ходят, если не считать ниточку в попе, — и никого это давно не волнует!

— Ну, не то чтобы никого... — пробормотал отстающий от прогресса Кис.

Реми его реплику не расслышал и продолжал с жаром:

— Просто мне не нравится, что Ксюша все время отзывается на приглашения каких-то незнакомых мужчин! Она с каждого мероприятия приносит визитки и новые приглашения — на новые вечера и вечеринки!

— И что? Подозреваешь Ксюшу в неверности? — произнесла Александра насмешливо и высокомерно.

— Нет! — с негодованием отверг Реми подобное предположение.

— Тогда в чем проблема? Из-за чего вы поссорились? — требовательно спросила Александра.

Она себе слишком много позволяла, Ксюшина сестра! Нет, Реми к ней относился очень даже хорошо, просто замечательно — она умная и интересная женщина, и красивая в придачу — совсем не так, как Ксюша, она жестко и надменно красива, а Ксюша мягко и нежно... Да, Реми, несомненно, Александру уважал, к тому же Ксюше она старшая сестра, а Алексею «подружка» — родственники, так сказать... Но, согласитесь, это перебор: лезть в его отношения с Ксюшей! Француженка себе такого никогда бы не позволила и уже давно бы дипломатично сменила тему, будь она не то что сестрой, а трижды матерью Ксюши! Но фокус в том, что Александра русская. И теперь ведь не отстанет, ни за что не отстанет!

— Ксюша сказала мне, — неохотно сдался он, — что замужество плохо совместимо со свободой!

— Так оно и есть, — снисходительно улыбнулась Александра. — Оно плохо совместимо с творческой работой, которая независима по определению... Когда ты, Реми, работаешь для клиента день и ночь, когда вечерами тебя нет дома, когда ты уезжаешь на несколько дней в другой город, в который тебя повели следы, — ты ведь не спрашиваешь разрешения у Ксюши? Нет, ты ее просто информируешь, и это воспринимается как само собой разумеющееся: ты работаешь! Так вот, друг мой, представь себе: она — тоже.

Кис, до сих пор не слишком вникавший в их диалог, с ее последними словами вдруг напрягся: «Замужество плохо совместимо с творческой работой, которая независима по определению...»

И вдруг все то, что было смутным, что не доду-

мывалось до конца, мгновенно легко додумалось: Александра не стала бы ждать предложения «руки и сердца»! Когда-то, три года назад, она сама предложила ему отношения¹, простенько так и со вкусом: «Я хочу тебя». Эта странная женщина считала, что слово «люблю» всегда лжет, зато слово «хочу», напротив, всегда правдиво... Ему два года пришлось ждать, чтобы услышать от нее признание в любви — да и то под страхом смерти, можно сказать!²

Нет, если бы она хотела жить с ним семьей — нормальной семьей, — она бы заявила прямо.

И раз не говорит — значит, не хочет.

А раз не хочет — он ей предлагать не будет. Так-то.

— Я не отвечаю на приглашения незнакомых женщин! — горячился тем временем Реми.

— Отвечаешь. Когда тебе нужно для дела. Правда ведь? — подначивала его Александра.

— Для *дела*!

— Но для журналистки — все дело! Особенно то, куда она может попасть в виде исключения, редкой удачи... И незнакомый мужчина с его приглашением является всего лишь средством передвижения, пропуском в те двери, на которых написано: «Посторонним вход воспрещен». А Ксюша обожает именно такие двери — разве ты не знаешь?

Она помолчала, а потом вдруг произнесла серьезно и участливо:

— Ты напрасно ее ревнуешь, Реми. Она тебя любит — и, пока любит, будет тебе верна.

¹ См. роман Т. Гармаш-Роффе «Шалости нечистой силы», издательство «Эксмо».

² См. роман Т. Гармаш-Роффе «Роль грешницы на бис», издательство «Эксмо».

Они направились наконец к лифтам и спустя пять минут с комфортом разместились в «Рено Эспас» Реми.

— Ты поэтому не выходишь за меня замуж? — неожиданно для себя самого спросил Кис. — Боишься, что печать в паспорте превратит меня в тирана?

— Как знать, — загадочно улыбнулась Саша. — Эта простая вещь имеет странную власть над людьми. Она многое меняет в сознании и в отношениях, она излишне связывает... И потом, ты ведь не предлагал.

— А если предложу? — лез в бутылку Кис, сам толком не понимая, за каким чертом.

Он ведь и сам не был уверен, что ему нужен другой образ жизни и отношений! Но сейчас, когда удостоверился, что это сознательный выбор Александры, — уело!!!

«Дурацкое, пустое, пупковое самолюбие», — прокомментировал внутренний голос.

И Кис даже с ним согласился, но поздно: он уже влез в бутылку и уже сидел за ее толстым стеклянным боком, подло искажавшим реальность, бессильно трепеща крылышками раздраженного самолюбия.

— Зачем, Алеша? — миролюбиво усмехнулась Александра. — Это не нужно ни тебе, ни мне. Разве нам так плохо?

Ну да, он так и понял: «ни тебе, ни МНЕ». *Ей* не нужно! Она не хочет быть сутками бок о бок с ним. Она не выносит его в больших дозах!

Он тоже, между прочим. Ему тоже не нужно. Не больше, чем ей! Он тоже...

Черт, он расстроился. Глупо и тупо — но расстроился. Свобода, понимаешь, ей дорога! Принимать

любые приглашения! Профессия у них с сестрицей, видите ли, такая!

Кис никогда не ревновал. Никогда не подозревал. Надо сказать, что по большей части Александра выходила в свет с ним, используя его как щит от двусмысленных предложений. Но не всегда. И он в это «не всегда» никогда не совал свой нос: раз ей надо — так пусть идет. Его это не касалось, у нее дела, и он их уважал. А вот теперь, получив в лоб женскую и сестринскую солидарность в вопросах свободы (свободы отвечать на приглашения незнакомых мужиков, черт побери!), ему отчаянно захотелось сунуть нос в те ее дела, которые происходили без него... Нет, он не ревновал — еще чего! — но все-таки...

Они решили поужинать в ресторане. Александра попросила «с музыкой».

— Ты хочешь на дискотеку? — удивился Реми.

— Не на дискотеку — в ресторан с музыкой! — пояснила Александра, словно маленькому.

И где это вам в Париже найти с музыкой? Это вам не Москва, в Париже каждый сантиметр баснословные деньги стоит, и занимать их танцплощадкой и музыкантами, когда туда можно втиснуть еще с десяток столиков? Смеетесь, что ли, — кто это себе такую роскошь позволит!

Однако Реми спорить не стал и позвонил одному приятелю, который что-то когда-то говорил ему о подобных редких заведениях. Приятель назвал итальянский ресторан, бразильский ресторан и остромодный бар-ресторан, для танцев как бы не предназначенный, но в нем, однако, имеется музыка и к ней в придачу три свободных квадратных метра, на которые выползают плясать наиболее отчаянные. Остро-

модный бар-ресторан был ближе всего к дому Реми, и он решил, что трех метров для Александры хватит, на случай если ей захочется потратить энергию в более мирных целях, чем воспитывать его.

Стол украсился огромным живописным блюдом с «фрюи де мер» — морскими продуктами — на троих. Вечер, однако, — в отсутствие Ксюши и в присутствии разногласий — шел скучно и натянуто. Крабы смотрели на мир философски, креветки стыдливо утыкались носами в хвосты, лангусты цеплялись бледными лапками друг за друга, разнокалиберные улитки наглухо драили люки своих раковин, Реми был хмур, и Кис уязвлен. Одна Александра невозмутимо орудовала тонкой металлической палочкой с крохотными зубчиками на конце, которой вынимала из ракушек плоть морских тварей и, обмакнув ее в соус, отправляла в рот с видимым удовольствием.

После ужина перешли в бар — именно там была музыка и даже между столиками танцевали несколько человек. Удрученный Реми сразу же уполз в ту часть, где работал телевизор (а точнее, на безопасное расстояние от новой волны расспросов), а Кис с Александрой взгромоздились на высокие табуреты, взяли коктейли и стали скучно смотреть на танцующих.

Александра, конечно же, поняла, какая кошка между ними пробежала. И откуда взялась кошка, и даже какой расцветки была кошка — вплоть до крапинок... Но обсуждать эту тему было бессмысленно. Раздраженное самолюбие не поддается утешению и не вникает в доводы. Да Алексею и без доводов все прекрасно известно! Работа журналистки — это работа контактная, все в ней держится на общении, достигающем высокого искусства тогда, когда нужно сломать за-

преты и пробраться в тот сюжет, в ту информацию или в то место, которое особенно охраняется... И здесь пускаются в ход все имеющиеся в наличии обаяние и настойчивость, и кокетство, и юмор, и тонкая дерзость, и еще целый арсенал средств! И никакого «полового вопроса» в нем нет: то же искусство общения идет в ход с женщинами, как и с мужчинами... А уж тот факт, что мужчины иначе реагируют на женское обаяние, чем женщины, — так это их личные трудности! Вот так-то. И ревновать тут нечего!

А насчет печати в паспорте... У Александры у самой был подобный криз некоторое время назад. Их союз с Алешей ее более чем устраивал в той форме, которую он принял, — жизнь на две квартиры и временные разлуки на день-другой, когда дел становилось невпроворот. Если бы они решили пожениться и съехаться в одну квартиру, то, помимо мороки с жильем (съезд? обмен?), им бы пришлось вечерами констатировать, что одного из них нет *дома*. Когда есть общий дом — тогда и всплывает «нет дома». Тогда становится обидно: вот я есть, а тебя вечно нет! Тогда начинаются упреки, подсчеты, кто больше дома, а кто меньше... Зачем это нужно, спрашивается? При жизни на две квартиры — каждого нет у себя дома. Никто никаких прав на другого не предъявляет. А когда нет прав — нет и претензий. Все очень просто.

Тем не менее мысль о том, что ОН не предлагает пожениться, задевала ее самолюбие. И ведь знала же, что ей никакая печать в паспорте не нужна, а все равно заедало! Повозившись с самолюбием некоторое время, Александра его благополучно утихомирила. И потом смеялась над собой: как глупо мы устроены, бог мой!..

Ей вдруг и сейчас сделалось смешно и легко. Она положила руку на локоть Алексея:

— Потанцуем?

— Ты же знаешь, что я тебе только ноги отдавлю, — буркнул Кис, сосредоточенно глядя на танцующих.

Александра проследила за его взглядом. До сих пор, погруженная в размышления, она не обращала внимания на окружающих — привычка публично сосредоточиваться на своих мыслях была доведена у нее до совершенства: профессиональная необходимость.

Кис, собственно, смотрел не вообще на танцующих, а на высокую женщину в цветном тонком платье с острым низким декольте спереди и еще более низким, чуть не до ягодиц, вырезом сзади. Ее темно-русые волосы были подобраны на затылке, чтобы затем спуститься от макушки на лоб путаной кудрявой волной. Она активно и самозабвенно двигала бедрами под музыку, посматривая иногда на Алексея темными влажными глазами — как будто ждала оценку своему танцу. Александра такую породу быстро узнавала и не любила: все в их жизни напоказ, на оценку и похвалу... Это ведь так плоско, так неинтересно — почему же Алеша с нее глаз не сводит?

— Не страшно, — ответила она несколько прохладно. — Я привыкла.

— Сейчас схожу в туалет, а потом потанцуем, раз ты хочешь...

Едва Алексей скрылся из зала, как эта странная дамочка, все посматривавшая на них с улыбкой, немедленно направилась к Александре.

— Бонжур! Ви русский, да? Я тоже! У меня один бабушка русский, я Наташа, Натали, я говорить по-русски, в школе учил! Я хочу знакомить русский лю-

ди! — Натали улыбалась большим ртом и сияла от счастья, как медный таз.

О, черт, только этого не хватало! Александра едва сдержала желание отодвинуться от Натали, которая уже забралась на Алешин табурет и наклонялась в сторону Александры так, словно собиралась ее обнять.

— Да, мы русские, — выдавила она из себя мимолетную улыбку вежливости, после чего отвернулась к стойке и принялась размешивать соломинкой остатки коктейля.

Однако Натали этот жест ничуть не смутил. Она с готовностью перевернулась к стойке, повторяя жест Александры, и щелкнула пальцами, призывая гарсона.

— Что вы хотите пить? — интимно спросила она.

— Ничего, спасибо.

И это тоже не помешало Натали заказать два коктейля — таких же, как пила Александра. Один высокий бокал с насахаренным ободом и долькой лимона, посаженной на него, она придвинула Саше. Упершись обнаженным локтем в стойку бара, она закинула ногу на ногу — и неровный, по моде край платья удачно лег таким образом, чтобы ее крепкое колено осталось максимально открытым. Взяв свой стакан, Натали ухватила подозрительно белыми зубами за соломинку, глядя на Александра таким радостным взглядом, словно нечаянно встретила лучшую подругу.

— Эта мужчина ваш муж?

— Нет, — обронила Александра, все больше раздражаясь.

— Друг?

Саша решила не отвечать. Пусть невежливо — но иначе от нее не отвяжутся, от этой Натали.

— Простый знакомый?

Подождав ответа, которого не последовало, Натали объявила ей задумчивым тоном: «Я так хочу знакомить русский мужчина!»

У Александры возникло желание спихнуть ее с табурета. Как воспитанная девушка, она себе подобного жеста позволить не могла и потому решила бежать к Реми, сидевшему в другом углу бара. Она уже прихватила свой недопитый стакан, как увидела направлявшегося к ним Алексея, на лице которого играла радушная улыбка при виде Натали на своем табурете, словно он был ему хозяином и радовался гостю.

Александра смотрела на приближающегося к ним Алешу так, как если бы она вдруг увидела его глазами Натали: хорошего среднего роста (еще поколение назад такой рост, под метр восемьдесят, считался высоким...), подтянутый, крепкий, с густой жесткой шевелюрой (хоть и поредевшей на макушке, но этого почти не видно...). Пожалуй, немного длинноваты руки, но в этом есть что-то первобытно-возбуждающее для такой сучки, как эта Натали; лицо приятное, с хорошо очерченным подбородком и светло-карими глазами, которые были на самом деле чуть разного цвета — ага, «дьявольщинка», приправка такая для любительниц экзотики, как эта паршивка Натали; любезная улыбка, которую можно принять за приглашение, что уже наверняка и сделала эта мерзавка Натали...

А Кис уже стоял рядом, глупо сияя улыбкой, и глупо говорил «бонжур» — это все, что он знает по-французски!

— Это ваш мужчина? — не сводя влажного взгляда с Алеши, кокетливо спросила Натали, явно в последний раз перед атакой.

— Нет, — отрезала Александра. — Не мой. Просто знакомый.

Кис метнул на нее удивленный взгляд: какая муха...

Натали поползла с табурета бедрами вперед к Алексею, почти обтираясь о его брюки.

— Я так хочу знакомить русский мужчина, это так экзотик, одна подруга бил в Петербурге и говорила, что русский мужчина очень хорошо. Ви танцевать?

Кис не успел опомниться, как Натали забросила ему голые руки на плечи и закачала бедрами по весьма пикантной траектории, касаясь каждый раз брюк Алексея. Танцуя, она отвела Алексея на некоторое расстояние от Александры, но до ее слуха долетели слова:

— Я хочу русский мужчина знать, мне нужно мужчина на вечер, завтра вечер, потому что мой мужчина нет, а я имею билет на два персон. Вы не говорить по-французски? О, это так экзотик... Я не знаю все говорить по-русски, вы говорить англе? Уи, это шарман...

Поймав взгляд Александры — если бы он мог материализоваться, то от бедной Натали осталась бы уже кучка пепла, — Алексей мстительно улыбнулся и взял француженку покрепче за талию, положив руку на голую, открытую вырезом платья разгоряченную спину. Ответный жест последовал незамедлительно: об Алексея терлись уже не только бедра Натали, но и ее грудь.

Александра отвернулась к стойке бара. Неожиданно за ее спиной раздался голос Натали. На этот раз она говорила по-французски:

— Альёша мне сказал, что ты говоришь по-французски? Это очень хорошо, а то я по-русски не очень

сильна... Ты не сердишься? Ведь это не твой мужчина, да, ты сказала: «Простый знакомый»?

— А если бы был мой, это бы что-нибудь изменило?

— Ты бы выцарапала мне глаза, нет? Если не твой, тогда проще. И глаза целее! — рассмеялась она весело. — Так он твой или не твой?

— Не мой, — зло ответила Александра, глядя на то, как Кис с самым невозмутимым видом устраивался на соседнем табурете. Ей даже показалось, что он кивнул одобрительно, услышав ее ответ.

— Такой интересный мужчина, между прочим, неужто ты прошла мимо? И тело у него такое крепкое, я прощупала, знаешь, такое хорошее, здоровое тело... — Она мечтательно закрыла глаза. — Как ты думаешь, я ему понравилась?

— Нет сомнения, — прошипела Александра и спрыгнула с табурета.

Раньше ей казалась симпатичной эта манера французов быстро переходить на «ты», но сейчас она ее бесила. И Натали ее бесила, и Кис, который так... так... так себя нагло вел!

— Постой, — ухватила ее за руку Натали, — я хочу тебя тоже познакомить с одним мужчиной! — Натали крепко держала запястье Александры и пыталась ее подтолкнуть обратно к табурету. — У Луи нет подружки, он недавно расстался, и он тоже мечтает познакомиться с русской! Подожди меня, он в ресторане, я сейчас за ним схожу! Подождешь?

Александра кивнула в надежде, что хоть ненадолго избавится от Натали, а за это время она что-нибудь придумает, она позовет Реми — и они пойдут домой... Они устали, они хотят спать, уже поздний час... А с Алешей она разберется потом. Она не станет опус-

каться до выяснения отношений, нет — она просто должна понять, почему он так себя ведет...

«Бог мой, да это же так просто! — вдруг осенило ее. — Это ведь из-за разговоров с Реми! Насчет свободы и прочего... Он ведь неспроста про замужество спросил — все ноги, множественные, как у бледной лангусты, растут оттуда, из этого разговора!»

— Да вот он, Луи, смотри, он идет к нам!

Натали соскользнула с табурета и бросилась к вошедшему. Ухватив его за руку, она подтащила его к Александре. Мужчина улыбался до ушей, с откровенным любопытством разглядывая русскую под трескотню Натали.

— Вот, Луи, это Александра, видишь, какая красивая женщина? Она свободна, это Алексей, он просто ее знакомый, так что ты можешь смело пригласить ее танцевать...

Фантастика. Ненаучная фантастика: как ловко и быстро эта девица перестроила и пристроила всех! Чтобы, так сказать, никому обидно не было...

— Я еще не знаю, хочет ли этого дама? — любезно проговорил Луи, изучая ее глазами, как гурман изучает завлекательное меню. — Если она желает танцевать, то я к ее услугам, — и Луи протянул руку приглашающим жестом. Ей оставалось только опереться на нее, спрыгнуть с табурета и уплыть в объятиях незнакомого француза под музыку на глазах у Алексея...

Кис сидел отчего-то довольный и нахально поглядывал на нее, всем своим видом говоря: ах, нас, значит, ничто не связывает? Ну-ну, давай, вот я и посмотрю, как тебе это понравится!

Александра решительно оперлась на руку Луи и соскользнула с табурета.

Неизвестно, чем бы их игры закончились, если бы в этот момент перед ними не возник встревоженный Реми.

...Во время праздника Пьера Кардена в замке маркиза де Сада произошел несчастный случай, — как только что передали в новостях по телевизору. — Один из гостей великого кутюрье, известный адвокат, упал со скалы. До выяснения обстоятельств происшествия полиция вынуждена задержать гостей знаменитого модельера, так что «театральный разъезд» будет отложен на неопределенное время...

Натали и Луи вслушивались с любопытством в разговор троих, где Кису взволнованно переводили то по-русски, то по-английски, явно забыв об их существовании.

— Надо туда ехать, — заявил Реми, и троица направилась к выходу, не попрощавшись.

— Какие они нелюбезные, эти русские, — пожалала им вслед плечами Натали. — Правда, Луи?

— Дело в том, — объяснял Реми по дороге, — что замок представляет собой самые настоящие руины, совершенно непригодные для жизни. На месте, на расчищенных площадках для гостей, были завезены столы для банкета и кресла для просмотра спектакля, установлены туалетные комнаты, возведена сцена — но ночевать в замке никак невозможно. Посему ближе к утру гости должны так или иначе убыть восвояси: приезжие — в гостиницы, местные — по домам.

Ксюша рассчитывала вернуться в Париж после полудня. Дорога занимает примерно восемь часов, а празднества планировались как минимум до трех ночи. Кто-то уехал бы наверняка раньше, кто-то засиделся бы и позже, но директор по кастингу, взявшийся за извоз новоиспеченной Евы, не мог покинуть за-

мок раньше четырех, а то и пяти — так он ей сказал. Теперь же там всех задержали на неопределенный срок.

— Я туда еду, — сообщил Реми. — Вы со мной?

— Мы банально разминемся с Ксюшей, — высказался Кис. — Опрос гостей закончится, и она поедет в Париж. А мы в обратном направлении — в Прованс. Это глупо!

Был час ночи с копейками, по Москве — три, Александра устала и хотела спать. Если бы не эта Натали — вернее, не возникшая двусмысленная игра с Алешей, она бы давно уже почивала... Но ей показалось, что Реми встревожен не на шутку.

— Ты чего-то опасешься?

Он ответил не сразу. И лицо его совсем не нравилось Александре.

— Мне тоже не хочется проводить ночь без сна, выбрасывать деньги на бензин и платежи за автотруты¹... Но я предпочитаю разминуться с Ксюшей и проехать без толку туда и обратно... Потому что если ей понадобится моя помощь, то я хотел бы быть рядом. Она никогда не сталкивалась с полицией, а ее простодушное любопытство в сочетании с наивностью может наделать бед!

Александра умилилась. В этот момент Реми, с его мужественным подбородком и вдруг подернувшимися металлическим налетом синими глазами, напоминал супергероя из суперфильма о суперменах.

— Ты думаешь, что несчастный случай может оказаться... — сообразил Алексей.

— Сам знаешь, как развивается следствие: упал — или столкнули? И если у полиции окажутся хоть ма-

¹ Скоростная автотрасса (фр.).

лейшие сомнения, их оттуда просто так не выпустят, несмотря на громкие имена. А у Ксюши к тому же никакого имени нет... Если что, я хочу быть на месте.

— У нее нет мобильного? — удивилась Александра. — Ты не можешь с ней связаться?

Реми глянул на нее снисходительно:

— Разумеется, есть. Но уехала Ксюша вчера утром, и сегодня днем она меня предупредила, что у нее садятся батарейки: твоя сестричка, как тебе известно, общительна, любит поболтать по телефону, заряда ей едва хватает на день. А питание она, конечно, забыла дома. Да и сомнительно, чтобы в развалинах нечаянно могла оказаться розетка под каким-нибудь камнем пятисотлетней давности... Короче, вы располагайтесь на ночлег, а я поехал. У меня еще восемь часов дороги впереди.

— Ты что, Реми, — сказала Александра, против воли зевнув уже только при мысли о «ночлеге», — мы едем с тобой! Правда, Алеша?

— Ага, — сказал Кис. — Трех мушкетеров — вернее, двух мушкетеров и одну мушкетершу — просят пройти на выход с вещами. Алле, вперед!

— А я в машине посплю, — пробормотала Александра, которая не очень понимала, отчего так беспокоится Реми. Ну не Ксюша же столкнула адвоката, верно? Так что ей может грозить?

Два бравых супермена, вернее, два частных сыщика в отличие от Саши прекрасно понимали, что в любой полиции любого города мира человеку могут грозить самые неожиданные вещи. И, главное, самые неприятные.

Они только молча переглянулись.

— Возьми подушку с дивана, — ласково сказал

Реми, — тебе так спать будет удобнее в машине, Алекс...

Когда Реми звал ее «Алекс», Саша чувствовала себя немного в мужском роде, но не возражала: так французы называют сокращенно всех Александров и Александр. А со своим уставом в чужой монастырь, как известно...

ПРОВАНС

Замок маркиза де Сада находился в деревушке Ла Кост, в сорока километрах от Авиньона, знаменитого своими театральными фестивалями и Папским дворцом. Александра сразу же угнездилась на заднем сиденье и мгновенно заснула, Кис задремал уже после выезда из Парижа, на скоростной трассе. Впрочем, ненадолго. Проснулся и потребовал сменить Реми за рулем.

— Ты дорог не знаешь, — категорически отменил предложение Реми. — Заедем не туда, время потеряем...

Кис с доводом согласился, но больше не спал: не столько из чувства солидарности, сколько с практической целью изучить карты. По скоростной автотрассе ехать было легко: хорошо подсвеченные панно вовремя указывали нужные направления, дорога была почти пустой, и они ехали со скоростью сто семьдесят. Разрешенная — сто тридцать, но дорожная жандармерия (читай ГАИ) по ночам тоже обычно спит, если нет специальных рейдов по отлову нарушителей, — вот и хорошо. Есть, правда, радары, но Реми знал, где они расположены, и вовремя сбрасывал скорость. Если дело так и дальше пойдет, то они доберутся за семь часов вместо планируемых восьми...

Однако с момента съезда со скоростной автотрассы нужно было не дать маху и точнехонько сворачивать именно на те национальные и департаментальные дороги, которые соответствовали плану. Посему Кис решил оставшуюся часть пути бдеть и поработать штурманом.

Им повезло (или Кис постарался, вовремя подсказывая Реми нужные повороты): они ни разу не сбились с дороги. К шато¹ маркиза де Сада они прибыли около девяти утра.

На выезде из останков замка, у горла единственной дороги, соединявшей развалины с расположившейся у подножия скалы деревней, стоял пост полиции. Худшие предположения Реми оправдались: у полиции имелись подозрения, что падение адвоката со скалы имело криминальный характер. Впрочем, насколько эти подозрения были обоснованными, ему узнать не удалось: провансальские полицейские, несколько враждебно настроенные к парижанам, были немногословны, а никаких дружеско-деловых связей с местной полицией у Реми не имелось.

Все же он сумел выяснить, что практически все гости, дав показания, уже покинули замок и на месте остался только персонал, который полиция придержала, желая первым делом отпустить знаменитостей. Но на попытку Реми узнать подробности (когда отпустили, куда, был ли кто-то из них доставлен в полицейский участок) его любезно послали подальше — а точнее, в тот самый участок. И он с бледным от беспокойства лицом вернулся к машине несолоно хле-

¹ Chateau — замо́к.

бавши. Уселся и забарабанил по рулю, пытаюсь понять, где теперь искать Ксюшу.

— Я вот что думаю, — бодрым голосом сказал Кис, пытаюсь слегка развеять беспокойство Реми, щедро сдобренное ревностью, — Ксюшу задержали, как и всех, для дачи показаний. Ты сказал, что знаменитостей отпустили первыми. А персонал оставили на закуску, верно? Ксюша, как я понимаю, там присутствовала в качестве члена труппы, дававшей спектакль. Следовательно, их пропустили между именитыми гостями и обслуживанием. Иными словами, она уехала значительно позже, чем предполагала. И в данный момент находится по дороге в Париж! — излишне жизнерадостно закончил Алексей.

Александра, проснувшись еще при подъеме на гору, приводила в порядок волосы, глядя в зеркальце переднего пассажирского сиденья. Не сказав ни слова, она кинула последний взгляд в зеркальце и, убедившись, что ночная поездка не нанесла существенного ущерба ее внешности, выбралась из машины и направилась в сторону полицейского поста.

Легкая, чуть небрежная походка; летние белые брюки, загадочным образом не помявшиеся после ночи на заднем сиденье (хитрые какие нынче ткани стали делать!); майка, проказливо открывающая ровно столько, чтобы захотелось увидеть еще больше: Кис смотрел ей вслед, привычно восхищаясь, а лица стоявших на посту мужчин по мере ее приближения освещались сдержанными и заинтересованными улыбками.

Она проговорила с полицейскими двадцать долгих минут, во время которых один из них отлучался, исчезнув за наружной, неплохо сохранившейся стеной замка. По возвращении он что-то объяснил Алек-

сандре, после чего белые брюки и легкая походка стали удаляться в обратном направлении, а сдержанные и заинтересованные улыбки мужчин на посту — медленно угасать, сменяясь повседневной скукой.

Александра принесла весть неожиданную и крайне странную: Ксюша покинула замок *до происшествия*. Так что к ней никаких претензий у полиции нет, хотя они бы желали переговорить с мадам Ксенией Деллье, на случай если она заметила что-нибудь подозрительное. «Деллье» — это фамилия Ксюши по мужу.

— Если кто чего и заметил, — прокомментировала Александра, усаживаясь в машину, — так это моя младшенькая: уж больно любопытна, вечно сует свой нос туда, куда совсем не надо...

— Подожди, — нетерпеливо перебил ее Реми, — куда уехала Ксюша? И на чем, если директор по кастингу обещал отвезти ее не раньше четырех-пяти утра, а Ксюша покинула замок до происшествия, то есть до часу ночи?

Александра, досадливо помотав головой — сей жест должен был означать раскаяние в своей недалекости, — снова отправилась к полицейскому посту. Нехитрый сеанс магии женского обаяния повторился по тому же сценарию. Один из полицейских снова отправился в утробу развалин для того, чтобы вынырнуть оттуда через десять минут и протянуть какую-то бумажку Александре.

В ожидании Кис вышел из машины и, пройдя несколько шагов, встал так, чтобы получше видеть то место в крепостной стене, где маячил полицейский мундир: надо полагать, именно оттуда упал человек. Задрав голову (замок стоял на вершине холма, а дорога, где они были вынуждены остановиться, нахо-

дилась значительно ниже), он с любопытством изучал конфигурацию развалин и горы, вычисляя вероятную траекторию падения тела. Свежий утренний воздух, еще не успевший нагреться, уже прокалывали лучи раскаляющегося южного солнца и чувствительно обжигали непривычную к солнцу бледную московскую кожу. Кис вернулся к машине.

Вернулась и Александра. На этот раз информация была куда более полной, но куда более удручающей: мадам Ксения Деллье, по свидетельствам очевидцев, покинула замок незадолго до происшествия, убыв с неким господином в его машине. У Александры было даже его имя, написанное наспех на клочке бумаги: мэтр Дидье Леблан, Международная адвокатская контора, Экс-ан-Прованс. Вот именно с этим господином, а вовсе не с директором по кастингу...

— Ты что-нибудь понимаешь, Реми? — спросил Кис в надежде, что друг знает, какой план был у Ксюши, в котором упоминалось имя данного месье...

Если Реми что и понимал, то только одно: Ксюша в очередной раз отправилась за новыми впечатлениями с незнакомым мужчиной!!!

Благородная тревога супергероя из суперфильма сменилась в лице Реми гневом. Вчерашние недоразумения возвращались с фатальным упрямством и никак не хотели их отпустить, вываливая предмет распрей на общий стол, на обозрение, обсуждение и ссоры. Демократическое право свободного перемещения без мужниной визы не желало вписываться в рамки конституции семейной жизни, а конституционный надзор в лице мужчин был решительно глух к диссидентствующему писку демократов в лице женщин и журналисток.

— Все! — сверкнул глазами Реми. — С меня хватит! Я возвращаюсь в Париж! Вы со мной?

— Подожди, Реми, не горячись, — примирительно произнесла Александра. — Подожди. Дай подумать... Что-то тут не то.

...С одной стороны, радоваться надо, что Ксюша не оказалась под прицельным огнем полицейских допросов. С другой стороны, уехала она в неизвестном направлении и с неизвестным человеком. А как же она собиралась вернуться в Париж? Ведь директор по кастингу обещал отвезти ее домой... Незнакомый господин Леблан, международный адвокат, вряд ли взял бы на себя подобные услуги. Только если он сам намеревался ехать в Париж и соблазнил Ксюшу примерно таким текстом: «Я тоже должен ехать в Париж завтра, а пока, если хотите, я мог бы показать вам...»

Далее возможны варианты: город, залив, замки, интересные материалы — короче, что-нибудь такое, от чего Ксюшино сердце начинает биться учащенно. Александре самой было знакомо это сердцебиение, еще как знакомо! Но Ксюша была романтичнее — или, скажем так, она никогда не стыдилась своего восторженного романтизма, тогда как Александра с юных лет его стеснялась и старалась скрыть, припрятать под налетом циничной мудрости...

Иными словами, Ксюша, как всегда, помчалась навстречу приключениям. Проблема же в том, что Ксюша не авантюристка, которая всегда хорошо отдает себе отчет в том, на что идет, — она наивная девочка, которая верит, что если ей предлагают в час ночи показать залив-замок-город, то так оно и есть.

— Реми, — тронула она его за плечо, — я понимаю твои чувства...

«Ого, — насторожился Реми, — надо же, Александра, рьяная защитница своей сестренки при любом раскладе, понимает вдруг его, Реми! Нехорошее начало, нехорошее! Что дальше последует?»

— Но я беспокоюсь...

Естественно, кто бы думал иначе! До эмоций Реми ей дела нет, она за Ксюшу беспокоится! А о чем он беспокоится — так ей начхать! Вот они, сестрички, обе эгоистки, яблоко от яблони...

— Давай рассудим логически, — ласково уговаривала его Александра, отчего Реми злился еще пуще. — Если Ксюша уехала с кем-то, то это может означать только одно: ей предложили показать что-то очень интересное...

— Ночью?! — Реми не сумел сдержать ярости.

— Ты же знаешь, какие-нибудь очередные развалины в лунном свете — Ксюша могла на это купить-ся... К тому же сейчас лето, светает рано...

Александра не стала говорить о том, что, по некоторым свидетельствам, господин Леблан не отходил от Ксюши весь вечер, начиная с того момента, как она отыграла роль Евы.

— И как же она рассчитывала вернуться в Париж в таком случае?!

— Ну... Возможно, этот Леблан сам собирался ехать утром в Париж и обещал Ксюше отвезти ее... Или она могла решить, что с утра сядет на поезд... На ТЖВ¹, к примеру. И будет в Париже в пределах обещанного времени...

— Тогда нам лучше ехать в Париж, что я и предлагаю, — упрямо, но уже поспокойнее заявил Реми.

¹ TGV — поезд-экспресс, идущий со скоростью в среднем 300 км/ч (и способный развить скорость до 500 км/ч).

— Ты прав, конечно, дорогой... — нежно проговорила Александра и вдруг замолчала. Не просто замолчала, а с многоточием, в котором повисло что-то нехорошее, невыносимо тревожное.

— Что?! — не вынес паузы Реми.

— Послушай меня — послушай внимательно, ладно? Ты напрасно ревнуешь ее, Реми. Ксюша любит тебя. И она тебе верна — это аксиома, понимаешь? Лучше бы ты совсем выбросил эти глупости из головы... Я о другом: Ксюшу, несомненно, заманили чем-то очень увлекательным. Но что было на самом деле в голове у этого Леблана? Я волнуюсь, Реми. Я боюсь за нее. Давай попробуем ее найти.

— Как ты себе это представляешь? Мы даже не знаем, куда и за каким чертом ее понесло ночью из замка!

— Телефон.

Кис произнес это веско и строго, как приговор. Реми с Александрой уставились на него в ожидании продолжения.

— Если бы с Ксюшей было все в порядке, она бы уже позвонила тебе, Реми. Потому что в любом цивилизованном месте полно автоматов.

Он был прав. Он был отвратительно прав, Кис... Реми посмотрел на часы: почти десять утра. Карточки у Ксюши нет, но ее можно купить в любой табачной лавке. Лавки же открываются в шесть-семь утра¹. Но Ксюша до сих пор не звонила.

— У тебя мобильный включен?

— Включен, — раздраженно ответил Реми и на всякий случай посмотрел на аппарат. — Мой бог, она

¹ Как правило, это не просто лавки, а кафе, в которые за-
всегдатаи ходят завтракать.

звонила! У меня запись на автоответчике! Не понимаю, как же так, как я мог не услышать, я ведь его не выключал...

Он суетливо нажал на кнопку и, махнув рукой остальным, чтобы замолчали, стал напряженно вслушиваться в трубку. Прослушав, снова нажал на кнопку и снова прижал ухо к трубке.

— Я ничего не понял... Алекс, послушай! Может, ты лучше разберешь...

— Это Ксюша? — с тревогой спросила Александра, принимая телефон.

— Да. Но я не могу разобрать почти ни слова.

Ксюша говорила по-французски, что естественно, поскольку звонила Реми. Связь была плохой, ее голос постоянно пропадал. «*Mon amour, tu n'imagines pas... miracle... amoureuse de ce chateau... contes de... beaut... portable... plus tard*»¹.

— Как я понимаю, она делится восторгами по поводу замка маркиза... — сделала вывод Александра. — Что-то насчет мобильного... Может, она хотела сказать, что он не работает? Или что батарейки садятся? И потом, слово «попозже» — что позвонит попозже?

— В какое время оставлена запись, Реми?

Реми, принявший из рук Александры свой сотовый, задумчиво смотрел на его светящийся экранчик.

— Она звонила с чужого мобильного... Без семнадцати час.

Без семнадцати час — то есть приблизительное время происшествия. Полицейские любезно изложили Александре краткое описание событий: где-то в

¹ Любимый, ты даже не представляешь... чудо... влюблена в этот замок... волшебная сказка... красота... мобильный... попозже».

интервале двенадцать сорок — двенадцать пятьдесят ночи (показания очевидцев расходятся) раздался крик с левой стороны от площадки. Спектакль уже закончился, народ употреблял разные вкусности, щедро разложенные на столах, запивая их крепкими и не очень напитками, играла музыка — небольшой оркестр, под который лучше усваивалась пища, но хуже было вести беседу, в силу чего гости беседовали весьма громко. Посему крик услышали не все, а только те, кто находился ближе к месту. Они туда и бросились. Сначала ничего не поняли: темно и никого нет.

Направились к распорядителю праздника; распорядитель распорядился, пришли с фонарями, осветители сумели подтащить один из приборов — и только тогда, и вполне случайно, обнаружили тело, лежащее на выступе скалы значительно ниже площадки. После чего была немедленно вызвана полиция. Месье Пьер Карден попросил дорогих гостей не покидать замок и не топтаться на месте происшествия до приезда наряда.

Итак, Ксюша звонила примерно в то время, когда все это случилось. Причем — с чужого мобильного. Она ушла, как свидетельствовали некоторые, незадолго до происшествия. «Незадолго» — точнее никто не мог сказать. Разумеется, если бы Ксюша была в замке в это время, вряд ли она бы делилась восторгами по поводу его красот. Значит, она уже находилась за его пределами. При этом вряд ли в городе: связь была плохой. Вероятнее всего, звонила с дороги, которая петляет между иссушенными зноем холмами и старыми беззубыми скалами Прованса...

Реми ее звонок не услышал по одной простой причине: в это время они находились в шумном баре

«с музыкой». И потому Ксюша оставила ему запись на автоответчике. Пообещав перезвонить позже.

И до сих пор не перезвонила. А ведь автоматы есть на каждом углу, и табачные лавки, где продаются карточки, давно открыты...

Реми вдруг сосредоточенно стал набирать какой-то номер и затем долго слушал гудки. «Ксюша! Ксюша, перезвони мне немедленно на мобильный, как только придешь домой!» — прокричал он в трубку и нервно захлопнул телефон. Подумал мгновение и снова набрал номер. На этот раз он оставил послание аналогичного содержания на ее разрядившемся сотовом.

Он сердился, это было видно. Но еще больше было видно, что он беспокоится и нервничает. Впрочем, беспокоились и нервничали все. Ксюшино поведение могло иметь только два объяснения: либо она так увлеклась своим новым знакомством и приключением, что забыла напрочь о муже, о прилетевшей из Москвы сестре и Алексее. В это не верил даже Реми: Ксюша была хорошей, воспитанной девочкой, она всегда говорила «здрасьте» и «до свидания», она не забывала сказать «с проездом!» при встрече и на прощание пожелать «мягкой посадки»... Такие девочки не сбегают даже с любовниками, не попрощавшись.

Тогда оставалось второе: с ней что-то случилось.

За этим «что-то» прятался целый спектр возможных происшествий, но в нем на выбор все было плохо. Несчастный случай на дороге? Адвокат Леблан — сексуальный маньяк? На них напали грабители? Или это тщательно спланированная акция и Ксюшу похитили?

— Дело в том, — медленно, как если бы каждое слово с трудом продиралось сквозь сведенные от ужаса зубы, проговорил Реми, — что я веду сейчас одно

дело... Против очень крупной фирмы. Они уже пытались оказать на меня давление... Я не думаю, что они способны пойти на такие нецивилизованные меры, но... На самом деле там замешаны очень крупные суммы. А когда речь идет о таких деньгах, люди теряют человеческий облик, он с них слетает, как карнавальный костюм... Я не имел права так легкомысленно отнестись к этому, — стукнул он кулаком по рулю, — я не должен был отпускать ее одну! Но Пьер Карден... Избранная публика... Как я мог подумать, что... И вас нужно было встретить...

— Реми, — Кис больно треснул его по плечу, — кончай дурью маяться, а? Приди в себя, черт побери! Сейчас до мафии всех времен и народов договоришься! У тебя высветился номер телефона, с которого звонила Ксюша? Так в чем же дело, звони!

Реми обалдело смотрел мгновение на Киса, затем, громко хлопнув себя по лбу и радостно сообщив, что он болван, спешно набрал номер.

Господин Леблан любезно отозвался приятным баритоном. «О да, очаровательная Ксения... Ах, ваша супруга? Поздравляю, месье Деллье! Она попросила отвезти ее в Экс-ан-Прованс». Нет, ему не кажется, что у нее были там дела, — как он понял, Ксения хотела сесть на поезд и вернуться в Париж. Она говорила, что очень устала и не может ждать утра, — ее кто-то обещал отвезти в Париж утром. А в Экс она поехала только потому, что сам месье Леблан туда ехал. На самом деле Авиньон поближе будет, но он в Авиньон не ехал. Вот Ксения и попросила его взять ее с собой. Сказала, что заодно и город посмотрит — никогда там не была, но слыхала, что городок славный и краси-

вый. Что месье Леблан, как уроженец Экса, с гордостью подтверждает...

— Так где вы с ней расстались? — прокричал Реми в трубку: связь немного «гуляла».

— Я высадил ее у вокзала, месье Деллье. Как она просила.

— Послушайте, я очень волнуюсь, потому что она пропала. С тех пор как она покинула праздник месье Кардена, у меня от нее нет никаких известий... Я бы хотел уточнить детали — где вы находитесь? В Эксе? Я сейчас приеду, здесь полчаса езды, не больше, — как я могу с вами встретиться?

— Всей душой, молодой человек, но, боюсь, встретиться нам не удастся: я сегодня улетаю в Соединенные Штаты, у меня самолет через два часа, и уделить вам время никак не сумею, прошу прощения. Да я ведь вам все уже сказал: я высадил Ксению у вокзала. А он в городе один. Желаю успеха, надеюсь, что с вашей очаровательной женой все в порядке!

Адвокат отключился.

Реми посмотрел на остальных с таким отчаянным видом, как будто получил приговор о смертной казни.

— ...Она собиралась сесть на поезд, — почти прошептал он сдавленным голосом, — но ее до сих пор нет дома... — Он снова схватился за мобильный и начал набирать домашний номер в Париже.

— Реми, — мягко окликнула его Александра, — не глупи. Ты же не будешь звонить домой каждые десять минут, верно? Ты оставил Ксюше сообщение — да и сама она, ты прекрасно это знаешь, позвонит, как только сумеет... И потом, может, поезда ночью не ходят?

— В Экс. Едем в Экс, — сказал Реми, опомнившись.